

Н.М. Плискевич

старший научный сотрудник Института экономики РАН (Москва)

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО И ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ: ДЕСЯТИЛЕТИЕ 2014–2024 гг. (новое исследование Института социологии РАН)

Аннотация. В статье рассматривается анализ результатов мониторингового социологического исследования Института социологии РАН, которым посвящена восьмая книга серии «Российское общество и вызовы времени». Особо отмечается актуальность этой книги, так как в ней исследуется состояние российского общества в сложный для него период — 2014–2024 гг. В книге анализируются изменения последнего десятилетия как в сфере материального положения массовых слоёв населения, так и динамика его идеологических предпочтений. В целом, отмечая некоторую положительную динамику в ответах респондентов в 2024 г., авторы предлагают относиться к этому с осторожностью и не говорить пока о существенных положительных сдвигах ни в материальной, ни в идеологической сфере. Более того, само улучшение показателей материального благополучия говорит скорее о том, что к 2024 г. населению более-менее удалось приспособиться к новой ситуации, но отношение к ней скорее стойкое. То есть для страны по-прежнему характерно господство «ценностей выживания». Не менее противоречивая и сложная картина показана при исследовании идеологических и ценностных предпочтений. Показаны особенности мировоззренческой сегментации массовых слоёв населения и её эволюция. Особо отмечается, что даже в ядре идеологического большинства, поддерживающего проводимый страной курс, нет единства. Исследование показывает раздробленность как идеологического большинства, так и меньшинства, что позволяет сделать вывод о рисках для страны в деле консолидации общества. В статье высказываются некоторые предположения, связанные как с ростом числа носителей индивидуалистических ориентаций, так и опасностями трансформации воззрений о специфике отечественного социально-экономического развития в мифологическую идеологию «особого пути».

Ключевые слова: *социологический мониторинг, динамика развития российского общества, самооценка материального положения, эволюция общественного развития, массовое сознание, мировоззренческая сегментация общества.*

JEL: A12, A13, O15, Z13

УДК: 316.3, 316.4

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_180_190

© Н.М. Плискевич, 2025

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2025

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Плискевич Н.М.* Российское общество и вызовы времени: десятилетие 2014 — 2024 гг. (новое исследование Института социологии РАН) // Вопросы теоретической экономики. 2025. №4. С. 180–190. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_180_190.

FOR CITATION: *Pliskevich N.* Russian Society and the Challenges of the Time: The Decade 2014–2024 (New Research by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2025. No. 4. Pp. 180–190. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_4_180_190.

Институт социологии РАН выпустил очередную (восьмую) книгу «Российское общество и вызовы времени» из серии исследований, которые осуществляются на основе многолетнего социологического мониторинга динамики развития современного российского общества, подвергающегося многообразным угрозам и рискам как внутреннего, так и внешнего происхождения¹. Новая книга охватывает процессы, протекавшие в российском обществе в важное для его истории десятилетие, начиная с 2014 г., ознаменовавшегося «крымской весной», и вплоть до 2024 г. — года продолжающейся СВО, но в то же время и года адаптации общества к обусловленным ею новым условиям.

Проводимое коллективом ФНИСЦ РАН многолетнее многоаспектное мониторинговое социологическое исследование позволило за многие годы собрать огромный массив данных на основе единой методики и сбора данных, и их обработки и анализа. Эта книга (как и многие другие труды, выпускаемые Институтом социологии РАН) — пример чёткого проведения в научном исследовании выношенного авторами за многие годы совместной работы пути² — «сочетания теоретико-концептуальной и практико-ориентированной исследовательской работы по выявлению особенностей социальных трансформаций с установлением количественных и качественных параметров состояния и динамики российского социума по принципу *здесь и сейчас*» [Российское общество..., 2025. С. 8]³. Такое многолетнее мониторинговое исследование позволяет отслеживать динамику развития российского общества, выявлять те или иные тенденции в ней как в относительно спокойные, так и в кризисные периоды, к каковым, без сомнения, относится десятилетие 2014–2024 гг., ставшее предметом анализа в данной книге.

О широте и комплексности представленного в книге социального портрета российского общества, причём в динамике его развития последних десяти лет, свидетельствуют даже названия её глав. Здесь представлено содержательное социологическое отражение того, как в массовом сознании преломляются такие темы, как восприятие россиянами ситуации в мире, в стране, в местах их проживания и особо остро связанная с этим в рассматриваемый период тема отношения к коллективному Западу на фоне обострения информационной войны и эволюция внешнеполитической ориентации россиян в контексте десятилетней конфронтации с Западом. Важные изменения в жизни страны отражаются и в таких выделенных в книге элементах изменений в массовом сознании российских граждан, как: их социальное самочувствие и основные страхи; динамика субъективного благополучия в условиях противостояния с коллективным Западом; смысло-жизненные установки и нормативно-ценностные системы россиян в ситуации новых социокультурных вызовов; восприятие ими основных противоречий, присущих российскому социуму. Эти темы, и прежде всего сама сложность переживаемого страной периода, делают особо важным анализ мировоззренческой сегментации массовых слоёв населения страны.

Важными представляются и главы, выделенные в раздел, объединяющий анализ изменений в повседневной жизни населения России, вставших перед ним новых вызовов и практику ответов на них. Здесь для читателя (не только социолога, но и особенно для экономиста) размещён богатый социологический материал, а также глубокий его анализ, связанный с такими темами, как состояние и динамика последнего десятилетия в восприятии россиянами социального неравенства, анализ изменений в их имущественном положении,

¹ Предыдущие книги с таким же названием выходили, соответственно, в 2015 г. (2 книги), 2016 г. (2 книги) и в 2017 г. Затем последовал перерыв, обусловленный в том числе и ковидными ограничениями, а затем серия книг продолжилась выпуском шестой книги в 2022 г. и седьмой в 2024 г.

² Эти принципы развивались на протяжении более чем трёх десятилетий, и читателей не должно смущать обилие задействованных при этом организаций. Оно касается не единства важнейшей части коллектива, а изменения его административно-организационного статуса — от Российского независимого института социальных и национальных проблем 1990-х гг. до современного Федерального научно-исследовательского центра РАН (ФНИСЦ РАН), руководимого академиком РАН М.К. Горшковым.

³ Далее ссылки на страницы книги будут даваться в круглых скобках.

динамика индикаторов бедности и малообеспеченности, изменений в поведенческих стратегиях в новых условиях. Не обойдены и такие разные, но в то же время крайне важные при составлении комплексного представления о массовом сознании населения России темы, как отношение к частному предпринимательству, а также реальные практики в этой сфере, и всё более выдвигающаяся ныне на передний план тема рождаемости и семьи в общей системе жизненных установок.

Некоторое несогласие вызывает название одной из глав книги — «Трансформация социального капитала российского общества». Не было бы никаких вопросов, если бы данная глава называлась «Трансформация межличностного и институционального доверия в российском обществе». По сути, именно эту тему глубоко и обстоятельно освещает автор данной главы. Действительно, доверие — важнейший компонент формирования социального капитала. У вводивших определение «социальный капитал» значительное место отводилось ожиданиям человека от своих контрагентов того, что они будут честно выполнять свои обязательства и не возникнет нужды в применении к ним санкций за допускаемые нарушения [Коулман, 2001], т.е. существование атмосферы доверия. Однако этой важнейшей характеристики социального капитала недостаточно. Р. Патнэм, например, вводит в определение социального капитала помимо доверия сети и нормы социальной жизни, которые побуждают участников взаимодействия «к более эффективному действию по достижению общих целей» [Putnam, 1996. Р.66]. Поэтому В.В. Радаев считает, что объективированную структурную основу социального капитала «формируют сети социальных связей, которые используются для транслирования информации экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения, формирования регуляций» [Радаев, 2002. С.26]. На основе социального капитала складывается принадлежность к определённому социальному кругу. А в рамках культур, где господствуют иерархически организованные сети (к каковым принадлежит и Россия), социальный капитал тесно переплетается с административным капиталом [Там же. С. 27].

По сути, именно эти особенности культуры и выстроенные на её основе нормы и институты дают возможности включённым в «нужные» социальные сети изыскивать способы и реализации своего социального капитала, и его капитализации. Можно даже сказать, что принадлежность к таким социальным сетям открывает дорогу для быстрого обогащения, но она же вызывает отторжение у не попавших в них, что, собственно, провоцирует и рост неравенства, и чувство несправедливости по отношению к существующему порядку. Не случайно в книге отмечено изменение в трактовке традиционного для России социально-экономического противоречия — место противоречия между богатыми и бедными всё больше занимает противоречие между «олигархами и остальным обществом» (С. 321). Хотя в этой формулировке стоило бы уточнить тот круг, ту «социальную сеть», которая относится к определению «олигархов». Видимо, это сами олигархи, их окружение той или иной степени близости, сплётённые с ними представители государственных структур и т.п.?

Ограничение же анализа лишь темой доверия провоцирует сложности при ответе на вопрос, поставленный автором данной главы, о том, может ли социальный капитал как отражение прежде всего институционального доверия быть «капитализированным»? (С. 229). Автор трактует эту тему как получение населением выгод от роста доверия к государственным институтам, прежде всего Президенту, Правительству РФ, руководителям субъектов Федерации, которое выражается в выгодах, получаемых населением как нацией в виде объективной социальной стабильности и субъективной уверенности в благополучном развитии страны в ближайшие годы (С. 234). Представляется, однако, что данные формы доверия вряд ли могут быть интерпретированы как «капитализация» социального капитала. Тем более, что и доверие россиян различным государственным и общественным институтам отнюдь не одинаково. Так, в четвёрку институтов, вызывающих наибольшее

доверие, вошли и Российская армия, и Российская академия наук. Каким образом доверие к ним, зафиксированное более чем у половины опрошенных, может быть «капитализировано»? А среди институтов, которым доверяют менее половины россиян, мы видим и такие органы представительной власти, как Совет Федерации и Государственная дума, и органы местного самоуправления, и профсоюзы, и полиция, и судебная система (С. 231). Да и чувство неуверенности в завтрашнем дне, как неоднократно отмечают авторы книги, россиянам весьма свойственно. Что и неудивительно для столь беспокойного десятилетия. Всё это позволяет считать доверие хотя и необходимым условием формирования социального капитала, но явно недостаточным.

Представленная в книге многоаспектная динамика развития России последнего десятилетия не может не вызвать особого интереса у экономистов. Важно, что эта динамика прослеживается не только на основе данных официальной социально-экономической статистики, предоставляемых государственными службами, но прежде всего как субъективная картина отражения этой динамики в сознании россиян. Например, в книге приводятся их мнения о состоянии российской экономики и её перспективах и в 2014, и в 2024 гг. Так, в 2014 г. более 45% опрошенных считали, что эта ситуация за последние 10 лет (т.е. до событий в Крыму) улучшилась, и лишь 24% видели её ухудшение (С. 28). В 2024 г. десятилетняя динамика развития оценивается иначе: улучшение отмечают 26%, ухудшение — 31,1%, а для 42,6% ситуация не изменилась (С. 26). То же можно сказать и о мнении опрошенных об изменении в уровне жизни. Если в 2013 г. более трети считали, что за 10 лет их уровень жизни повысился, и эта цифра на 7 п.п. превышала число тех, кто выражал противоположное мнение, то в 2024 г. повышение уровня жизни признали только 19,4% россиян, а его понижение — 36,0% (С. 26).

Такие оценки не очень соответствуют данным официальных источников и об экономическом росте последних трёх лет, и о том, что стране успешно удаётся обходить санкции и ограничения, и об успехах в импортозамещении, и о резком росте зарплат в связи как с расширением производства на предприятиях ОПК, так и их ростом в других отраслях, связанном с нехваткой работников и практически отсутствующей безработицей, и о расширении социальных обязательств государства. (Правда, при всей объективности данной картины нельзя не учитывать и то, что она включает в себя и фактор изменений методик подсчёта официальных данных.)

Всё же, признавая достижения последних лет в борьбе со всеми сложностями ситуации, сложившейся после начала СВО, и приведённые, и многие другие данные свидетельствуют об отнюдь неоднозначной социально-экономической ситуации в стране. И представляется вполне обоснованным замечание авторов книги, что установленные в ходе опросов мнения населения, отражающие их восприятие социальной реальности, а также её динамики, «является *социальным фактом*, и этот факт, как и его причины, нуждаются в объяснении и понимании» (С. 28–29).

Подводящий итог проведённому анализу, М.К. Горшков достаточно осторожен в оценке мнений россиян о своём материальном положении. Он признаёт, что в 2023–2024 гг. эти оценки, хотя и были традиционно плохими, «но не столь негативными, как обычно». Однако из этого не следует вывод, что можно говорить о существенных положительных сдвигах в жизни массовых слоёв населения. К тому же им отмечается закономерность: более заметное улучшение индикаторов удовлетворённости реальными жизненными условиями наблюдается в сферах, тесно связанных с усилиями самих людей, а в тех сферах, которые в большей мере зависят от государства, «картина менее оптимистична» (С. 315).

В целом же, охватывая весь комплекс проблем, воздействующих на эмоциональное восприятие событий последнего десятилетия, авторы приходят к выводу, что нельзя однозначно говорить ни об ухудшении, ни об улучшении их положения. Данные обследования свидетельствуют, что наблюдается «нечто среднее между ними, хотя и более близкое

к выводу об улучшении того, что стало, в сравнении с тем, что было несколько лет назад, и близкое к тому, что наблюдалось в 2014 г.» (С. 313). И общее самочувствие россиян по сравнению с данными опросов 2000–2013 гг. в настоящее время авторы характеризуют скорее как спокойное, хотя и фиксируют как опасное развивающееся в последние годы «чувство страха перед неопределённостью будущего» (С. 313–314). Отмечу и ещё одно высказывание авторов о современной ситуации: «...если говорить о консолидированной позиции российского общества *в целом*, то её скорее можно было бы назвать *стоической*: раз уж так обернулись события, надо оставаться там, где стоишь, делать, что должно» (С. 17).

Это находит подтверждение и в главе, посвящённой социальному самочувствию россиян и их страхам. С одной стороны, наши сограждане чаще отмечали, что испытывали позитивно окрашенные чувства, прежде всего надежду на помощь близких, удовлетворённость тем, как у них идут дела, чувства гордости за собственные достижения и достижения близких, но в то же время такие чувства они испытывали «лишь иногда». Впрочем, с другой стороны, и негативно окрашенные чувства (беспомощности, страха перед будущим, несправедливости происходящего), хотя и отмечались реже, чем позитивные, но также испытывались «иногда» (С. 34–37). Думается, эта отмеченная в исследовании тенденция говорит скорее о состоянии покорности судьбе. Даже начало СВО не вызвало такого всплеска эмоций, как присоединение Крыма в 2014 г. Гораздо более эмоционально переживали россияне период COVID-19 (С. 40).

В целом же мониторинг социального самочувствия россиян показывает, что десятилетие 2014–2024 гг., несмотря на череду кризисов, не стало десятилетием эмоциональной неустойчивости, а всплески разного рода страхов носили скорее ситуативный характер. И «для всех социальных групп наличие опасений является нормой, а их отсутствие — более или менее редким исключением» (С. 45). При этом, несмотря на все кризисные явления, мониторинг последнего десятилетия как главную тенденцию изменений фиксирует постоянное улучшение большинства показателей состояния субъективного благополучия за исключением личной безопасности (С. 61–63).

Резюмируя результаты проведённого исследования, М.К. Горшков отмечает, что в целом «разрыв между той третью россиян, кто доволен жизнью, и теми, кто обеспечен жизненными благами по минимуму (а это больше половины населения), гораздо больше, чем разрыв между россиянами, воспринимающими свою жизнь как удовлетворительную, и теми, кто оценивает её как плохую» (С. 317). Особо он отмечает, что в 2024 г. впервые с 2014 г. «наблюдалось совпадение ожиданий и реального воплощения по показателям субъективной материальной обеспеченности», что свидетельствует «о стабилизации ситуации в стране и появлении существенной предсказуемости событий на уровне личной жизни. Причём это не та “негативная стабилизация”, которая была после кризиса 2014–2016 гг. В 2024 г. наблюдалась позитивная стабилизация, отразившая позитивную динамику жизни многих представителей массовых слоёв» (Там же).

В то же время представляется, что несмотря на все отмеченные позитивные моменты и в реальном материальном положении россиян, и в их субъективном восприятии собственного положения фиксируемые изменения пока не дают основания надеяться на то, что положение России на предложенной ещё в начале XXI в. социокультурной карте мира [Инглхарт, Вельцель, 2011] существенно изменилось. Страна по-прежнему находится в зоне ценностей выживания. Об этом говорят и многие данные рассматриваемой книги, и многие другие исследования. Например, Д.М. Логинов и Т.М. Малева, анализирувавшие особенности потребительского поведения россиян в последние годы — годы роста зарплат в отдельных сегментах нашего общества, но и годы ускорения инфляции — отмечают особенности поведения наших сограждан именно как ответ на инфляционные факторы и приспособление к ним, вполне укладывающиеся в ценностную практику «выживания» [Логинов, Малева, 2025].

Другой факт, свидетельствующий о том же, приводится и в книге, где отмечается одна тревожная тенденция: для россиян привычным способом улучшения своего материального положения стал рост трудовой нагрузки. В среднем рабочая неделя россиянина составляет 45 часов (С. 280). Отмечается, что такие постоянные переработки чреваты «выгоранием» человека. Они сказываются и на ограничении для него возможностей развития своего человеческого капитала, повышения квалификации и в целом образовательного уровня. При этом сверхвысокие нагрузки — «удел не только низкоквалифицированных работников. Среди рабочих и работников торговли и сферы обслуживания... практически две трети работают свыше 40 часов в неделю, но сопоставимая с ними доля перерабатывающих наблюдается также у руководителей и предпринимателей» (62,2, 66,3 и 64,1%, соответственно — С. 281). Всё это говорит о том, что пока мы по-прежнему находимся в зоне «ценностей выживания» и рано говорить о переходе в зону «ценностей самовыражения», т.е. стремления к поиску новых решений возникших проблем, инициативы и т.п. Разумеется, и у нас есть слой людей, нацеленных на самовыражение, но он, к сожалению, достаточно тонок, и говорить о серьёзных изменениях в массовом сознании пока рано.

В целом серия аргументированных результатов анализа, вытекающих из богатства материалов, накопленных за годы проведения социологического мониторинга, а также из качественного исследования этих материалов, содержащихся в книге, обобщена одним из её редакторов — научным руководителем ФНИСЦ РАН академиком РАН М.К. Горшковым в форме 22-х выводов.

Здесь же хотелось бы обратить внимание на некоторые аспекты поднятых в книге проблем, как представляется, нуждающихся в дальнейшей проработке. Например, в главе о смысложизненных установках и нормативно-ценностных системах россиян в условиях новых социокультурных вызовов затрагивается тема об отношении к свободе как об одной из важнейших смысложизненных установок, имеющая безусловный приоритет по отношению к материальному благополучию. Для большинства из них (68,8%) свобода — безусловный приоритет, а материальное благополучие предпочитают свободе только 30,8% (С. 73–74). Богатый материал мониторинга позволяет развить тему понимания свободы, в котором проявляется «противоречивость и разнонаправленность мировоззренческих представлений в современном российском обществе» (С. 78). В целом данный материал позволяет сделать вывод, что «условный фундаментальный выбор между индивидуумом и государством в нашем обществе окончательно не сделан» (С. 84). Автор фиксирует многие противоречия в нормативно-ценностной сфере, однако не уточняет вопрос о соотношении в нём индивидуалистических и социально ориентированных ценностей, отметив лишь, что в период от конца 1980-х до начала 2010-х гг. «характеризовался дрейфом нормативно-ценностных систем от культур коллективистского типа к индивидуалистически ориентированным культурам» (С. 71)⁴.

Между тем другие исследования фиксируют качественные изменения в этой нормативно-ценностной картине как раз в 2010-х гг. Я имею в виду анализ ценностных изменений в российском обществе, сделанный в рамках мониторинговых опросов Европейского социального исследования (ESS) В.С. Магуном и М.Г. Рудневым. Эти авторы, работая по методике Ш. Шварца [Schwartz, 2006], зафиксировали, что если в 2006 г. доли индивидуалистически и социально ориентированных россиян были примерно равны (46 и 49%, соответственно), то уже к 2010 г. появилось превышение доли индивидуалистически настроенных россиян над социально ориентированными (52% к 45%), а в 2018 г. это превышение составляло уже 16 п.п. [Магун, Руднев, 2021. С. 347–348]. Следующее исследование в рамках ESS из-за COVID-19 было перенесено с 2020 на 2021 г., но фактор эпидемии не повлиял на тенденцию преобладания индивидуалистических ценностей [Магун, 2023].

⁴ См. об этом, например, [Тихонова, 2011].

Отмечено также, что Россия оказалась среди шестёрки государств — европейских лидеров по распространённости слабо и сильно выраженных индивидуалистических ценностей вместе с Венгрией, Чехией, Словакией, Литвой и Болгарией [Магун, Руднев, 2021. С. 340]. Разумеется, это данные другого мониторинга, потому возможны вариации в выявлении силы тех или иных тенденций, но в целом вывод, к которому приходит автор рассматриваемой главы о противоречивости и разнонаправленности ценностных представлений современных россиян, сопоставим и с анализом ESS.

Вместе с тем хотелось бы особо отметить тот факт, что и в рассматриваемой книге, и в исследовании ESS страны — лидеры индивидуалистической ориентации среди опрошенных принадлежат к кругу постсоциалистических. И здесь причины такой ориентации, очевидно, следует искать в незавершённости постсоциалистической трансформации, в непреодолённости органически свойственного социалистическим режимам слияния политической, экономической и общественной сфер социального действия и особенно в функционировании институтов, поддерживающих связку «власть — собственность» (см., например: [Мадьяр, Мадлович, 2022]). В этой ситуации в значительно больших, чем в развитых странах Европы, масштабах проявляется, например, такое индивидуалистически окрашенное стремление, как перераспределение имеющихся ресурсов в свою пользу в ущерб также свойственному индивидуализму стремлению к созиданию. Не случайно ещё в 1990-х гг. Г.Г. Дилигенский писал об агрессивно-адаптационном индивидуализме, характерном для россиян того времени [Дилигенский, 1997]. Учитывая значение перераспределения бюджетных потоков и в наши дни, можно считать, что такой вид индивидуализма и стремления к «свободе от...», в отличие от «свободы для...», о которых писал И. Берлин [Берлин, 2014], всё ещё силён в российском обществе. Поэтому несмотря на фиксируемые в книге явные тенденции стремления к свободе в российском обществе, свидетельствующие о значительном распространении в нём индивидуалистически окрашенных ценностей, всё же в мировоззрении большинства россиян устойчиво господствуют идеологические предпочтения иного свойства — отказа от «прозападных» либеральных ценностей (таковых 29%), поддержки идеи сильного государства, этатистски-державные воззрения (71%)⁵.

Но устойчивость некоторых идеологических предпочтений нельзя воспринимать как застывшее явление. И процессы в этой сфере также эволюционируют. Анализ особенностей их эволюции мы находим в главе о мировоззренческой сегментации массовых слоёв населения, где «предпринята попытка комплексной сегментации россиян по их идейно-политическим взглядам и связанным с ними самоидентификациями с определёнными социальными группами, отражающими их видение своего места в социуме» (С. 139). Здесь мы также наблюдаем по сути следствие незавершённости постсоциалистических трансформационных процессов, отражающееся, в частности, в том, что «даже уверенно определяющие своё место в...[существующем — Н.П.] идеологическом спектре, весьма смутно представляют себе, в чём именно заключается специфика соответствующих воззрений» (С. 139–140). В результате, опираясь на данные о том, как видят основные виды идеологического размежевания в современном российском обществе сами россияне» (С. 141), автор естественно пришёл к их разделению, опирающемуся на отношение к общественно-политическим событиям последнего десятилетия, к оценке ими курса, которым идёт страна, видению роли Запада в разворачивающихся событиях, приверженности разным моделям общественного устройства. Это позволило выделить и «идеологическое большинство» (62,1%), и «идеологическое меньшинство» (37,9%), и специфику их идеологических предпочтений (С. 144–147). Хотя и эти группы неоднородны и разделены автором на две подгруппы. Для идеологического большинства критерием стала жёсткая либо противоречивая

⁵ Не случайно О.И.Шкаратан охарактеризовал складывающийся в 2000 гг. режим как неоэтакратизм (см., например: [Шкаратан, 2009. С. 123–134]).

позиция по отношению к СВО. Меньшинство же делится на пессимистов и оптимистов в отношении будущего России.

При этом ни в одной социальной группе сторонники идеологического меньшинства не доминируют (хотя среди молодёжи их доля достигает 45%). Для большинства характерно чёткое идентифицирование себя со своей социальной группой. Причём «система самоидентификаций с символическими общностями сложилась уже достаточно давно и после обострения отношений с Западом в 2014 г. является практически неизменной» (С. 153). Основные изменения в «сетке самоидентификаций» последнего времени, по данным исследования, включают в себя: резкое сокращение ярко выраженных символических идентичностей; очень резкое сокращение идентичностей с лицами того же материального положения; значительное сокращение идентичностей с людьми той же профессии; заметное сокращение роли этнонациональной идентичности (С. 153). В целом же автор отмечает значительную вариативность идентичностей как большинства, так и меньшинства. Поэтому даже «идентичность с гражданами России для представителей массовых слоёв населения нашей страны — не безусловная данность... Принятие этой идентичности зависит в первую очередь от того, насколько прочно и плотно они вписывают себя в социум, какова вообще специфика их идентичностей. Связано её наличие и с тем, какой системой идеологических и иных взглядов в целом характеризуется конкретный человек» (С. 161).

В результате авторы на основе своего анализа приходят к выводу, что в России в настоящее время сформировалось большинство, идейно ориентированное на представления о самобытности развития нашей страны и даже мнения о ней как об особой цивилизации. Вместе с тем значительная вариативность взглядов, фиксируемая в книге, даже внутри идеологического большинства, и то, что сегодня у населения происходит серьёзный рост важности «в основном противоречий идеологического характера», позволяет сделать вывод о том, что «именно идеологическая составляющая жизни российского общества находится сейчас с точки зрения перспектив общественной консолидации в зоне наибольшего риска» (С. 321). Действительно, отмечается (причём вне зависимости от социально-экономического положения или приверженности различным нормативно-ценностным установкам), что исследование продемонстрировало тенденцию заметного усиления в российском социуме идеологического противостояния «между сторонниками самобытного вектора развития России и приверженцами западных моделей построения общества и соответствующих ему ценностей» (С. 116). Хотя при этом отмечается, что «для трети даже ядра сторонников пророссийской модели развития России характерны идентичности с Западом... в той или иной степени, однако в латентном виде, т.е. они не ведут автоматически к признанию себя европейцами» (С. 111).

Такая внутригрупповая вариативность даже в столь существенной для опор социальной стабильности теме, как самобытность отечественного социально-экономического развития, разумеется, несёт в себе определённые риски. Однако сама эта вариативность и связанная с ней неустойчивость, быть может, предохраняет нас от серьёзного риска принятия массовым сознанием известной идеологемы «особого пути» развития страны. «Особый путь» (равно как известный из истории развития немецкого общества «*Sonderweg*») «обычно присутствует в интеллектуальном пространстве стран догоняющего развития». В нем «клубок факторов истории каждой страны облекается в те или иные идеологические мифы, и чей миф будет воспринят большинством, за тем и окажется в данный конкретный момент и преимущество в “обработке мозгов”» [Плискевич, 2019. С. 45].

Обычно, как отмечал известный отечественный социолог Б.В. Дубин, ответы россиян на вопрос о том, что они понимают под «особым путём» России, «включают в себя нерационализированные проекции на будущее и радикалы прошлого опыта, полученного опять-таки через разные каналы от межличностных до массовых, и с ориентацией на различные авторитеты, приобретшую при этом разную моральную транскрипцию, смысловую

обработку и интерпретацию» [Дубин, 2019. С.244]. По сути, это картина мира, сформированная мифологическим сознанием [Лосев, 2025] и построенная на мифологемах личности, которая «не столько противостоит привычности, сколько коррелирует и переплетается с нею». Созданные на её основе режимы коллективного существования поддерживают друг друга: «*Чрезвычайность* выступает способом контроля над мобилизованной властью и сплочённой этим “сверху” массой, *привычность* (равнение по привычному, привычка как инструмент нивелирования отличий) — способом контроля над индивидуальной инициативой и ответственностью “снизу” со стороны массы» [Дубин, 2019. С. 257–258]. При этом «проблематика выбора, свободы и ответственности за свободу в метафоре “особого пути” полностью отсутствует. И это не сбой или недочёт — таково устройство и функциональное назначение анализируемой метафоры» [Там же. С. 253].

Как видно из материалов рассматриваемой книги, черты, присущие метафоре «особого пути» как продукту мифологического сознания, её авторы не зафиксировали. Напротив, и вариативность ответов на самые разные вопросы, и явное стремление к свободе (хотя нередко понимаемое по-разному) свидетельствуют об обратном. В то же время ещё большее осложнение ситуации, стремление отгородиться от глобального мира и т.п. могут стать катализатором возрождения такого сознания, погружения в, по сути, иллюзорный мир, а значит, поворот на путь, который, как бывало в истории, в итоге приводит страну к катастрофе.

Ведь глобальный мир, хотя и переживающий кризис, — реальность. Сегодня Россия в силу сложившихся обстоятельств стремится наладить новые связи, новые взаимодействия, а не замыкается в себе. При этом неизбежны разного рода взаимовлияния, технологические и институциональные взаимодействия, особенно между странами-соседями [Шемакин, 2014]. Разумеется, и попытки некритического использования чужого опыта, и стремление к заимствованию зарубежных институциональных образцов нередко оказываются весьма болезненными, вызывают отторжение и даже социальные взрывы. А в институциональном теле страны, если инновации накладываются на неподготовленную для этого социальную ткань, образуются специфические институциональные рубцы [Плискевич, 2022; Плискевич, 2023]. Но такая ситуация обычно связана с тем, что страны — доноры таких институтов пришли к их современному состоянию в ходе длительного эволюционного развития, и у каждой из них был свой *самобытный путь развития*, обусловленный массой факторов — и ресурсных, и географических, и климатических, и социокультурных, и многих других. И это важно учитывать при формировании своей программы реформ. Предложенная В.М. Полтеровичем концепция построения промежуточных институтов, сочетающих в себе и намётки пути к желаемой цели, и учёт социокультурной составляющей общества — того, в какой мере на данном этапе своего развития оно способно воспринять предлагаемые преобразования [Полтерович, 2007], представляется одним из вариантов достижения в конечном итоге необходимого результата эволюционным путём.

Приведённые в книге данные о значительной вариативности взглядов подавляющего числа россиян (не только меньшинства, но и большинства, в том числе и ядерной части основных конфликтующих групп), как представляется, даёт надежду на налаживание диалога представителей всех существующих в нём направлений. А значит, выработки пути эволюционного развития, приемлемого для *всех* участников такого диалога. Но это — и огромный вызов для будущего развития страны. Сможем ли мы двинуться по такому пути, надеюсь, покажет следующая, девятая, книга этой серии.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Берлин И. (2014). Два понимания свободы [Berlin I. (2014). Two Concepts of Liberty] // Берлин И. (2014). *Философия свободы. Европа*. — М.: Новое литературное обозрение. С. 122–186.
- Дилигенский Г.Г. (1997). Российские архетипы и современность [Diligenskiy G.G. (1997). Russian archetypes and modernity] // *Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии* / Под ред. Т.И. Заславской. — М.: МВШСиЭН, Интерцентр. С. 273–279.
- Дубин Б.В. (2018). Мифологема «особого пути» в общественном мнении современной России [Dubin B. (2018). The Mythologem of Sonderweg in the Public Opinion of Modern Russia] // *«Особый путь»: от идеологии к методу*. — М.: Новое литературное обозрение. С. 243–274.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития [Inglehart R., Welzel C. (2005). Modernization, Cultural Change, and Democracy: the Human Development Sequence]. — М.: Новое издательство.
- Коулман Дж. (2001). Капитал социальный и человеческий [Coleman J. (2001). Social Capital in the Creation of Human] // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 122–139.
- Логинов Д.М., Малева Т.М. (2025). Инфляция, экономия и онлайн-покупки: потребительское поведение россиян в первой половине 2020-х годов [Loginov D., Maleva T. (2025). Inflation, cost saving and Online Purchase: Consumption Behavior of Russians in the First Half of 2020th] // *Вопросы теоретической экономики*. №3. С. 144–158. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2025_3_144_158.
- Лосев А.Ф. (2025). Диалектика мифа [Losev A.F. (2025). Dialectics of Myth]. — М.: АСТ.
- Магун В.С. (2023). Эволюция базовых ценностей российского населения, 2006 — 2021 годы [Magun V.S. (2023). Evolution of basic values of the Russian population, 2006–2021] // *Социологические исследования*. № 12. С.44–58. DOI: 10.31857/5013216250029336-2
- Магун В., Руднев М. (2021). За пределами «человека советского»: россияне в европейской ценностной типологии [Magun V., Rudnev M. (2021). Beyond the «Soviet Man»: Russians in the European Value Typology] // *Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя*. — М.: Новое литературное обозрение. С. 325–353.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. В 2 т. [Magyr B., Madlovics B. (2022). The anatomy of post-communist regimes. A conceptual framework. In 2 v.]. — М.: Новое литературное обозрение.
- Плискевич Н.М. (2019). «Особый путь»: мифы, реальность, поиски выхода [Pliskevich N. (2019). Sonderweg: Myths, Reality and the Search for a Way Out] // *Мир России*. Т. 28. № 2. С. 42–62. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-42-62
- Плискевич Н. М. (2022). Институциональные рубцы в «пограничных» обществах и эволюция человеческого потенциала. (Часть 1: Институциональные рубцы) [Pliskevich N. M. (2022). Institutional Scars in «Frontier» Societies and the Evolution of Human Potential (Part 1. Institutional Scars)] // *Вопросы теоретической экономики*. № 3. С. 130–143. DOI:10.52342/2587-7666VTE_2022_3_130_143.
- Плискевич Н. М. (2023). Институциональные рубцы в «пограничных» обществах (Часть 2. Институциональные рубцы в истории российской трансформации и изменения ценностных ориентаций) [Pliskevich N. M. (2023). Institutional Scars in «Frontier» Societies (Part 2. Institutional Scars in the History of Russian Transformation and Changes in Value Orientations)] // *Вопросы теоретической экономики*. № 1. С. 60–82. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_60_82.
- Полтерович В.М. (2007). Элементы теории реформ [Polterovich V.M. (2007). Elements of the theory of reforms]. — М.: Экономика.
- Радаев В.В. (2002). Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация [Radaev V.V. (2002). The concept of capital, forms of capital and their conversion] // *Экономическая социология*. Т. 3. № 4. Сентябрь. С. 20–32.
- Российское общество и вызовы времени. Книга восьмая (2025). [Russian Society and the Challenges of the Time. Book Eight (2025).] / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир.
- Тихонова Н.Е. (2011). Динамика нормативно-ценностной системы российского общества (1995–2010) [Tikhonova N.Ye. (2011). Dynamics of the normative-value system of the Russian society (1995–2010)] // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 5–19.
- Шемякин Я.Г. (2014). Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе: о характере соотношения Языка, Текста и Шрифта [Shemyakin Ya.G. (2014). Subecumens and «frontier» civilizations in a comparative historical perspective: on the nature of the correlation of Language, Text and Font] // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 113–123.
- Шкаратан О.И. (2009). Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России [Shkaratan O.I. (2009). Socioeconomic inequality and its reproduction in modern Russia]. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». С. 123–134.
- Putnam R. (1996). Who Killed Civic America? // *Prospect*. March. Pp. 66–72.
- Schwartz S.H. (2006). Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications // *Revue française de sociologie*. Vol. 47. No. 4. Pp. 929–968.

Плискевич Наталья Михайловна

znplis@yandex.ru

Natalya Pliskevich

Senior Researcher, Institute of economics of the Russian Academy of sciences (Moscow)

znplis@yandex.ru

RUSSIAN SOCIETY AND THE CHALLENGES OF THE TIME: THE DECADE 2014–2024

(New Research by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences)

Abstract. This article analyzes the results of a sociological monitoring study conducted by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, which is the subject of the eighth book in the «Russian Society and the Challenges of the Times» series. The book's relevance is particularly emphasized, as it examines the state of Russian society during a challenging period — 2014–2024. The book analyzes changes over the past decade in both the material well-being of the general population and the dynamics of its ideological preferences. While noting some positive dynamics in respondents' responses in 2024, the authors nevertheless suggest a cautious approach and caution against any significant positive shifts in either the material or ideological spheres. Moreover, the improvement in material well-being itself suggests that by 2024, the population has more or less managed to adapt to the new situation, but their attitude toward it is rather stoic. In other words, the country remains characterized by the dominance of «survival values». A no less contradictory and complex picture is revealed in the study of ideological and value preferences. The features of the ideological segmentation of the general population and its evolution are demonstrated. It is particularly noted that even within the core ideological majority that supports the country's current course, there is no unity. The study reveals fragmentation within both the ideological majority and minority, suggesting risks to the country's social consolidation stemming from the ideological sphere. The article offers several hypotheses related to both the growing number of individuals with individualistic orientations and the dangers of transforming views on the specific nature of domestic socioeconomic development into the mythological ideologue of a «special path».

Keywords: *sociological monitoring, dynamics of development of Russian society, self-assessment of financial situation, evolution of social development, mass consciousness, ideological segmentation of society.*

JEL: A12, A13, O15, Z13.